

Моим родителям

Список сокращений

АМАО — Archives du Musée d'Arts d'Afrique et d'Océanie (Архив Музея искусства Африки и Океании)

АМН — Archives du Musée de l'Homme (Архив Музея человека)

АНФ — Archives Nationales de France (Национальный архив Франции)

АРР — Archives du Rectorat de l'Académie de Paris (Архив Ректората Парижской академии)

АС — Année Sociologique (Год социологии)

БМСАР — Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris (Бюллетени и мемуары Парижского антропологического общества)

СДЖС — Centre de Documentation Juive Contemporaine (Современный центр еврейской документации)

СНРС — Conseil National de la Recherche Scientifique (Национальный совет по научным исследованиям)

ИАИА — International African Institute Archives (Архив Международного африканского института)

ИЭ — Institut d'Ethnologie (Институт этнологии)

ИФАН — Institut Français de l'Afrique Noire (Французский институт Черной Африки)

ИМЕС — Institut Mémoires de l'Édition Contemporaine (Институт современных издательских архивов)

МННН — Muséum National d'Histoire Naturelle (Национальный музей естественной истории)

РН — Phototéque (Musée de l'Homme) (Фотоархив (в Музее человека))

Благодарности

Эта книга выросла из моего более раннего исследования французской колониальной администрации в Западной Африке в период с 1895 по 1930 год. В ходе работы над первым исследованием я была поражена тем, как высокопоставленные чиновники в 1920-х годах начали утверждать, что те самые африканские народы, которые французы эксплуатировали, обладают «культурами» и «цивилизациями», которые стоит сохранить. Тогда я пришла к выводу, что это новообретенное французское «уважение» к «подлинному» африканскому образу жизни было в значительной степени политическим ответом, призванным выполнить требования молодых образованных африканцев о равных правах, но позже я начала задаваться вопросом, как лучшие антропологи того времени говорили об этих самых африканских обществах. Этот вопрос привел меня в Музей человека в Париже, а через него — в лабиринт идей и научных практик, незнакомых не только мне, но и многим историкам современной Франции и антропологам во всем мире. Я надеюсь, что результатом моего интеллектуального путешествия в этот мир станет история, которая заинтересует историков и антропологов в равной степени.

В результате создания этой книги я в долгу перед очень многими. Прежде всего, я хотела бы выразить признательность Фонду Джона Саймона Гутгенхайма, Немецкому фонду Маршалла и Комиссии Фулбрайта за оказанную критически важную поддержку большей части моих исследований. В штате Огайо гранты от Центра Мершона и отделения искусств и гуманитарных наук Колледжа искусств и наук, а также исследовательская поддержка со стороны исторического факультета помогли мне завершить рукопись.

На каждом шагу я получала существенную помощь от многочисленных архивистов, библиотекарей и ученых. Я начала работать над этой книгой, когда Кристин Лорьер каталогизировала архивы Поля Риве, а также его архивы в Musée de l'Homme (бывший Musée d'Ethnographie du Trocadéro) (Музей человека, бывший Музей этнографии Трокадеро). Мне очень приятно поблагодарить ее за неослабевающую помощь и за то, что она делится своими «инсайдерскими» знаниями в области французской антропологии. Кристин Барт, куратор фотоархива (Phototèque) Musée de l'Homme, переехала вместе с коллекцией, когда та была передана в Музей на набережной Бранли в 2005 году. Там она продолжала показывать мне обширные фотографические записи, теперь почти полностью оцифрованные и каталогизированные. Абдула Камара помог мне получить доступ к архивам бывшего Французского института Черной Африки в Дакаре. Джули Макмастер из Музея искусств Толедо нашла там для меня ключевой набор документов. Я хотела бы поблагодарить сотрудников Institut Mémoires de l'Édition Contemporaine (Института современных издательских архивов), которые помогли мне сориентироваться в архивах Марселя Мосса, и архивов Международного африканского института в Лондоне. Я также благодарна Алисе Лемер, библиотекарю и архивариусу Национального музея национальной истории, за ее помощь в навигации по архивам Музея человека после того, как они были перемещены туда в 2005 году. Эми Буоно любезно предоставила мне копии корреспонденции Альфреда Метро, которую она собрала в архивах в Гётеборге. Несколько французских этнологов согласились встретиться со мной — историком, не имевшим образования в области антропологии, — чтобы поделиться своим собственным опытом. Эти беседы позволили получить важнейшие представления о траектории развития этой области, особенно в межвоенные годы. За щедро подаренное мне время я благодарю Жоржа Баландые, Женевьеву Калам-Гриоль, Жоржа Кондомина, Франсуазу Кузен, Бернара Дюпеня, Жака Фобле, Жана Жамена и Сержа Торне.

За последние двенадцать лет у меня была возможность представить свои работы на различных семинарах, заседаниях кафедр исторических факультетов, конференциях и в журналах. Я благодарю многочисленных организаторов и участников этих мероприятий за их вдохновляющие комментарии в деликатных вопросах о том, что «мы знаем то, что знаем», которые продолжают озадачивать меня, и за их щедрость, с которой они открыли передо мной свои двери. Несколько замечательных коллег прочитали мою рукопись целиком или частично и оставили неоценимые отзывы об отдельных главах или параграфах моей рукописи, когда она была еще в процессе написания. Я хотела бы поблагодарить Дэна Боруса, Вики Карон, Джона Карсона, Джоша Коула, Стивена Конна, Нелию Диас, Сару Фишман, Дэвида Хорна, Сюзанну Маршан, Филипа Норда, Дороти Нойес, Капила Раджа, Дэниела Шермана, Эммануэль Сибё, Тодда Шепарда, Трейси Теслоу, Хелен Тилли, Роберта Уэстбрука, Оуэна Уайта и Сару Ван Берден. За критическое прочтение всего исследования я чрезвычайно благодарна четырем ученым: Жану Педерсену, Эрику Дженнингсу, Гарри Либерсону и Джефффри Паркеру. Каждый по-своему оставил след в этой книге, даже если я не приняла всех их предложений. И последнее, но не менее важное: ряд людей любезно предложили свои критические идеи и советы на заключительных этапах написания и редактирования: Клод Бланкарт, Йохан Хейлброн, Жюли Фетт, Андре Бургьер, Эммануэль Лойер, Эрик Жолли и Марианна Лемер. Стоит ли говорить, что любые ошибки полностью мои собственные.

Я также благодарю всех студентов семинара «История идеи расы», который я вела на протяжении многих лет. Каждый раз они помогали мне по-новому осмыслить ключевые идеи, лежащие в основе этой книги. Я также хотела бы выразить признательность Петеру Вандерпею за его неоценимую помощь в толковании документов на немецком языке, упомянутых в главе 7, и Тимоти Нассау за его помощь в переводе многих французских цитат на протяжении всей книги. Я в особом долгу перед Мирчей Платоном. Как элегантно выразился Дейл Ван Клей, мой коллега по историческому факультету Университета штата Огайо, Мирча

пришел к нам в качестве аспиранта по истории Франции, но к тому времени, когда он ушел от нас, он научил нас большему, чем мы научили его. Мои беседы с Мирчей и его помощь в исследованиях изменили и обогатили эту книгу так, как я не могла даже помыслить, когда ее начинала.

Выражаю признательность за предоставление разрешения на цитирование различных материалов: Эдгару Кребсу и Даниэлю Метро за разрешение цитировать корреспонденцию Альфреда Метро; Роберту Моссу за разрешение цитировать корреспонденцию Марселя Мосса; Шарлю Ле Керу за разрешение цитировать корреспонденцию его дяди Шарля Ле Кера; Алексис Аданде за возможность цитирования переписки Александра Аданде; Франсуа Леону за разрешение цитировать корреспонденцию Люсьена Леви-Брюля; Цветану Тодорову за разрешение цитировать корреспонденцию Жермен Тийон; и ассоциации Conseil International de la Langue Française за разрешение цитировать корреспонденцию Бернара Мопуаля.

Более ранние черновики частей этой работы уже были опубликованы: разделы главы 3 под названием «Гражданское общество, наука и империя в поздней Республике: основание парижского Музея человека» (Osiris. 2002, July. Vol. 17); разделы главы 4 как «Череп на выставке: научный расизм в парижском Музее человека, 1920–1950 годы» в книге Дэниела Дж. Шермана «Музеи и различия» (издательство Индианского университета, 2007); «Французская политика, культура и общество» (2002, Summer. Vol. 20, № 2); «Становление колониальной науки: этнология и империя в межвоенной Франции» (Ab Imperio. 2009. Vol. 3; перевод на русский); части главы 6 — как глава «Военная этнология межвоенного периода» в [Todorov 2007: 39–60].

Мне исключительно повезло с моим редактором в издательстве Корнелльского университета, Джоном Акерманом. Его энтузиазм по отношению к этой книге поддерживал этот проект на протяжении всего времени моей работы над ним. Мне очень приятно выразить ему свою признательность за его помощь. Я также хотела бы поблагодарить Мэриан Роджерс и Карен Лаун за столь умелое руководство на протяжении всего процесса работы над рукописью.

И последнее, но не менее важное: я хочу поблагодарить своих друзей и семью. Селия Эпплгейт, Кевин Бойл, Теодора Драгостинова, Мэри Гардер, Вики Гетис, Мэриан Грут, Лоуренс и Паскаль Гуи, Алекс Херон, Робин Джадд, Дебра Ран-Оукс, Биргитте Сёланд, Сьюзан Вочи и Стюарт Уивер помогали мне морально и материально в Рочестере, Колумбусе и Париже. Мои отец и мать, мои сыновья, Тимоти и Дэвид, мои братья и сестры и их семьи всегда были рядом со мной, и никто не был рядом со мной больше, чем моя сестра-близнец Маргарет. Любовь и пример моего партнера, Джефффри Паркера, позволили мне завершить эту книгу. Все они научили меня истинному значению понятия «взаимость».

Введение

В 1930-е годы во Франции биологическое изучение и ранжирование человеческих рас все еще считалось вполне легитимной отраслью гуманитарных наук. К концу 1940-х годов, напротив, группа парижских антропологов взяла на себя инициативу по предупреждению общественности насчет политических опасностей подобных исследований. С помощью Альфреда Метро (швейцарца по происхождению, но получившего французское образование) Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 1950 году впервые выступила с осуждением научного расизма со стороны международной организации. Это осуждение заканчивалось радикальным утверждением, что «раса — это не столько биологический факт, сколько социальный миф»¹. Вскоре после этого Клод Леви-Стросс и Мишель Лейрис, коллеги, работавшие с Метро, опубликовали для ЮНЕСКО брошюры, в которых отстаивали необходимость культурного плюрализма и подчеркивали неуместность расы в качестве определяющего фактора цивилизации [Leiris 1951; Lévi-Strauss 1952].

Что послужило основой для столь резких перемен? Что именно думали антропологи о расовых и социокультурных различиях на пике французского империализма в 1920–1930-е годы и как опыт поражения Франции во Второй мировой войне изменил их взгляды? Эти вопросы лежат в основе данного исследования, и, чтобы ответить на них, мы сначала перенесемся в годы становления антропологии и социальной теории, между 1850-ми и 1900-ми годами; затем углубимся в возрождение антропологии

¹ «New York Times», 18 июля 1950 года. См. также [Barkan 1992: 341].

под названием «этнология» как в Париже, так и во французских колониях до и особенно после Первой мировой войны; и, наконец, рассмотрим судьбу этой дисциплины и ее адептов в условиях немецкой оккупации и сразу после нее.

Во второй половине XIX века ученые всего западного мира стремились основать общую науку о человеке, или «антропологию». Кабинетные теоретики в индустриальных и особенно колониальных странах сравнивали, классифицировали и ранжировали данные (физические и культурные) о «примитивных» народах и «расах», которые, как считалось, находились на более ранней эволюционной стадии политического, социального и технологического развития. Многие мыслители утверждали, что члены «отсталых» обществ не обладают когнитивными способностями «продвинутых» западных людей и что эти общества начнут «прогрессировать» только тогда, когда каждый их член приобретет способность к абстрактному мышлению; предполагалось, что империализм должен был ускорить этот процесс. В то же время считалось, что «раса» коррелирует с уровнем цивилизации, и предполагалось, что все группы идут по одной и той же восходящей траектории от обезьяны к человеку, но не с одинаковой скоростью и не с одинаковым конечным результатом. Поэтому главной причиной изучения антропологами «примитивов» было стремление получить новую информацию о предположительно схожих с каменным веком предшественниках их собственных обществ.

В рамках поиска общей науки о человеке эти ученые XIX века начали развивать специализацию в рамках общей области исследований. Одни сосредоточились на изучении физических типов человечества, например американец Джозайя Нотт (1804–1873); другие, такие как англичанин Джон Лаббок (1834–1913) и американец Фредерик Уорд Патнэм (1839–1915), сфокусировались на определении этапов эволюции в доисторическом периоде развития человека. Были также и те, кто пытался выявить универсальные законы культурной эволюции и происхождение таких человеческих черт, как брак, религия, право, язык и искусство, — среди них можно выделить Генри Льюиса Моргана (1818–1881)

в США и Э. Б. Тайлора (1832–1917) в Великобритании. Во Франции самозванные антропологи тоже начали развивать различные поднаправления, но наибольшего успеха на международном уровне они добились в области расовой классификации. Самым известным антропологом Франции в XIX веке был Поль Брока (1824–1880), чьи новаторские методы сделали его школу мировым лидером в измерении объема черепа и мозга представителей разных рас. После его смерти физическая антропология продолжала играть доминирующую роль среди научных дисциплин во Франции, а пристальное внимание Брока к расе помогло поставить концепцию фиксированных расовых различий в центр французских антропологических исследований.

Однако в первые десятилетия XX века французская антропология начала меняться в рамках того, что касается методологии, организации и ориентации. В частности, новая группа амбициозных ученых стремилась обновить и расширить изучение культурного разнообразия человечества в то время, когда британские и американские антропологи бросали вызов прежним теориям однолинейной эволюции и продвигались к плюралистической идее о том, что каждое человеческое общество имеет исторические корни и обусловлено окружающей средой. Эта точка зрения признавала, что общества развиваются не в результате приобретения каждым членом «абстрактного мышления», а, скорее, благодаря взаимодействию всех членов общества и их коллективной адаптации к различным способам существования. Во Франции последователи этого нового направления сознательно называли себя «этнологами», чтобы отличаться от физических «антропологов», которых они считали слишком озабоченными расовой классификацией людей в прошлом и настоящем и слишком привязанными к идее универсальных и негибких стадий эволюции рас и цивилизаций. Эта же группа этнологов ввела в обиход новый научный метод, который завоевывал все большую популярность в мире: контакт на месте с так называемыми примитивными обществами, особенно с теми, которые находились в непосредственной близости к колониям Франции, вместо кабинетного теоретизирования, основанного исключительно на

этнографических наблюдениях и описаниях артефактов, собранных другими. В 1925 году социолог Марсель Мосс и физический антрополог Поль Риве организовали первую во Франции университетскую программу подготовки по этнологии: Институт этнологии при Сорбонне (Парижском университете), финансирование которого осуществлялось за счет налогов, взимаемых с жителей французских колоний, которым эта новая наука также должна была служить. В 1938 году Этнологический институт переехал в Музей человека, которым Риве руководил с 1928 года. Будучи энергичным реформатором, Риве превратил музей в то, что критики того времени считали самым современным из мировых институтов, посвященных демонстрации и изучению расового и культурного разнообразия человечества.

Под совместным напором Мосса и Риве во Франции быстро сформировалась реформированная наука о человеке, институциональными и общественными центрами которой стали Музей человека и Институт этнологии; при этом университетских профессоров, специализировавшихся в новой дисциплине, еще не было. Аспиранты Мосса стали первопроходцами этнологии, проверяя эмпирическим путем в полевых условиях основные антропологические константы, сформулированные Моссом для понимания различных способов жизни «примитивных» народов, и совместно работая над синтезом своих результатов для создания подлинно новой «моссинской» школы. Будучи активными социалистами, Мосс и Риве воспитали в своем молодом сообществе сильное чувство солидарности, а также глубокую приверженность антирасизму и культурному плюрализму: они исповедовали гуманизм и открытость миру в эпоху усиления расизма, индивидуализма и роста авторитаризма как справа, так и слева. Многие из учеников этой новой школы на протяжении 1930-х годов работали в Музее человека, пытаясь модернизировать его и донести до широкой публики идею толерантности с помощью своих экспонатов.

Тем не менее этот гуманизм не привел Мосса и Риве к отказу от всех расовых теорий во Франции, все еще глубоко вовлеченной в насильственные практики империализма, угнетающие жителей

колоний, и в целом в научном мире, где эпистемологические основы расового мышления только начинали подвергаться сомнению. В межвоенные годы социокультурные объяснения человеческого разнообразия не одержали среди этнологов окончательной победы над расовыми представлениями о различиях между людьми. Риве, например, был физическим антропологом по образованию и определял этнологию как изучение языков, цивилизаций и рас. Однако он также считал расу категорией лабильной и, следовательно, непригодной для определения способностей на уровне любой конкретной группы. В этом он был во многом схож с американским антропологом-антирасистом Францем Боасом, которого Риве знал лично и которым восхищался. По иронии судьбы Риве балансировал между расистской и культурно-исторической антропологией, что привело к тому, что он оказался на той же скользкой концептуальной почве, что и группа биологических детерминистов, появившаяся после мировой депрессии и прихода нацистов к власти. Самым крайним из этих научных расистов среди профессиональных этнологов межвоенной Франции был Жорж Монтандон, современник Мосса и Риве. Расистские взгляды Монтандона, облеченные в форму науки о человечестве, не подвергались критике со стороны его коллег по профессии, как во Франции, так и за рубежом. Во время немецкой оккупации Монтандон стал весьма заметным коллаборационистом.

Несмотря на определенную преемственность по отношению к расовым наукам XIX века, появление университетской этнологии в 1920-х, 1930-х и 1940-х годах стало поворотным пунктом в развитии гуманитарных наук во Франции в институциональном и эпистемологическом плане — но не в том смысле, который ранее признавали историки и антропологи. Опыт проведения интенсивной полевой работы в одной из колоний Франции часто релятивизировал представления молодых этнологов о расе и культуре. Ученики Мосса и Риве как ученые были оторваны от колониального государства, которое их поддерживало. Мосс, который преподавал большую часть дисциплин в Институте этнологии, учил будущих полевых исследователей смотреть на

каждое общество целостно и историзировать культуры, а не искать общий закон культурного или биологического развития. Мосс также настаивал на том, что благодаря более тесным взаимосвязям между членами «архаических» обществ они были «мудрее», чем современные индустриальные и либеральные. Вооружившись этими знаниями, ученики Мосса быстро осознали, каким потрясением стал колониальный капитализм для народов Африки, Азии и Океании. Наиболее талантливые из них начали анализировать разрушительные последствия империализма в своих этнографических исследованиях и бросать вызов давним и коварным формам расовых предрассудков. В их работах расовая наука не только исчезла, но и была заменена альтернативным социологически обоснованным пониманием различий, основанных на таких новаторских универсальных концепциях, как одаренность, личность и исторические контакты между обществами. Для этих этнологов не существовало «примитивов» без истории и культуры, живущих «более просто» и «аутентично», чем люди на современном Западе.

Многие из этих «моссianцев» подверглись преследованиям и даже погибли во время Второй мировой войны. Обученные работать в сотрудничестве и синтезировать свои выводы как группа, они были привлечены к борьбе с фашизмом отчасти по идеологическим причинам (хотя ни один из них не последовал за своими наставниками в традиционную партийную политику), отчасти потому, что успешное сопротивление требовало определенных навыков, таких как, в числе прочих, способности сопереживать, которые они развили в своей работе. Сопротивление также давало надежду на победу над беспрецедентной степенью политизации расовой науки во время Второй мировой войны — зверства во имя науки, по крайней мере в Европе, были немыслимы до Холокоста. Французский вклад в заявление ЮНЕСКО 1950 года о том, что «раса — это не столько биологический факт, сколько социальный миф», был в этом смысле публичным упреком этнологов и физических антропологов тем, кто, включая членов их собственного академического сообщества, позволил использовать науку о человеке в смертоносном политическом

дискурсе. До 1940 года многие французские интеллектуалы все еще считали, что для борьбы с научным расизмом достаточно «правдивых фактов», выставленных в музее; война помогла все это изменить. Иными словами, заявление ЮНЕСКО предоставило возможность определенному сообществу интеллектуалов дать политический ответ на расизм — проблему, которая сформировалась внутри общества и которую наука не могла решить в одиночку. Воспользовавшись этой возможностью, ученые показали, что их представления о правильных отношениях между политикой и наукой кардинально изменились с конца XIX века.

На этом этапе будет полезно прояснить некоторые терминологические вопросы, поскольку, когда речь идет об изучении столь запутанных и разнородных понятий, как «раса», всегда есть опасность применить современные значения к понятиям, которые в прошлом понимались иначе. В этой книге я использую термин «расовая наука» для обозначения области исследований, возникшей вокруг изучения расы в XIX веке, особенно антропологами, стремившимися к профессионализму в этой области. Эти ученые пытались разделить людей на расовые категории, в которых интеллект коррелировал с цветом кожи, на основе все более точных измерений частей тела, обычно черепов. Иными словами, расовая наука определяла, что значит быть человеком, в самых жестких, вредных и расчеловечивающих терминах, которые только можно себе представить. Тем не менее она соответствовала лучшим научным стандартам своего времени, по крайней мере в том виде, в котором ее применяли Брока, его школа и их преемники в первой половине XX века².

Антропологи изначально предполагали, что существует иерархия рас с различными умственными способностями, те же самые ученые установили профессиональные нормы для проверки своих гипотез и создали структуры, которые поддерживали эти

² О концепции настоящей науки см. [Kuhn 1970]. Вопрос о том, насколько парадигма развития науки, предложенная Куном, подходит для гуманитарных наук, остается нерешенным; сам Кун разрабатывал свою модель, имея в виду естественные науки. См. [Fuller 2000].

нормы (экспертизы, журналы, научные общества, музеи, лаборатории и школы). Со временем многие из этих ученых пришли к пониманию того, что их первоначальная гипотеза ошибочна, и, хотя они продолжали изучать расы, они больше не ранжировали их и не предполагали, что раса каким-либо образом коррелирует с интеллектом. Таким образом, они больше не были расистами в том смысле, в каком были их предшественники, или в том смысле, в каком некоторые из их преемников позднее снова стали расистами.

В настоящей работе я использую термин «научный расизм» для обозначения усилий отдельных антропологов по обнародованию результатов своей науки в расистских политических целях, особенно в два напряженных момента новейшей французской истории: в разгар дела Дрейфуса (между 1898 и 1906 годами), а затем снова в 1930-х годах. Различие между расовой наукой и научным расизмом в некоторой степени эвристично. Научный расизм имел корни в расовой науке, которая развивалась в XIX веке повсеместно, и научный расизм встречался во Франции во многих других контекстах, помимо двух перечисленных выше. Но навешивание ярлыка научного расизма на всю расовую науку подрывает всякую серьезную попытку объяснить, как и почему эта наука политизировалась только в определенные моменты, а не в другие. Такая трактовка также осложняет понимание сложных методов, которыми пользовались антирасистские антропологи, рассматривая индивидов одновременно в расовом и социокультурном ключах. Констатируем очевидное: не все расизмы (или, если уж на то пошло, антирасизмы) одинаковы, и важно изучить весь прошлый спектр практик, мобилизованных расовой наукой (включая научный расизм), а также его отношение к обществу, в котором он был создан, чтобы лучше понять его устойчивость вплоть до настоящего времени. Как утверждала Трейси Теслоу в случае с американской антропологией, «восстановление максимально полной картины того, как наука и ученые функционировали в обществе, служит эпистемологической и исторической цели, противодействуя мощной идеологической и риторической силе самой науки» [Teslow].

Использование термина «примитивные» в прошлом для обозначения объекта исследования социокультурных антропологов ставит несколько иную проблему. Здесь я беру в кавычки или пишу «так называемые примитивы», чтобы было ясно, что такое обозначение было более ранним употреблением, которое ушло из нашего нынешнего словаря (в отличие от термина «раса», который выжил, хотя и изменился в значении). Следует отметить, что не было придумано удовлетворительного термина для описания различных групп людей, которые интересовали этнологов в конце XIX и начале XX века. В академической среде появилось и ушло множество других терминов для его обозначения: «традиционные», «простые», «племенные», «доиндустриальные», «народы без письменности», «народы без машин», «технологически простые народы», «коренные», «автохтонные», «исчезающие», «исчезнувшие», «под угрозой исчезновения», «туземные», «досовременные» — и этот список можно продолжать. Я стремилась уважать словоупотребление, которое, по-видимому, стало наиболее распространенным среди специалистов в разных частях мира: «индейцы» — для народов доколумбовой Америки, «океанийцы» — для народов южной части Тихого океана, «африканцы» и «азиаты» — для народов этих континентов. Поскольку Мосс употреблял слово «архаичный», я использую и этот термин, без кавычек, когда говорю о нем и его школе; часто я прибегаю к определениям, которые нахожу наименее унижительными: досовременный, исчезающий или исчезнувший (хотя, учитывая, что мы говорим о колонизированных народах, «завоеванный» было бы еще точнее). Проблема здесь не только семантическая. Предположительно более нейтральные термины, которые мы ввели взамен старых терминов «примитивный» и «дикарь», продолжают обозначать фундаментальное различие, которое наше общество до сих пор считает значимым: различие между промышленно развитым Западом, который якобы проложил путь к современности, и теми группами, которые якобы не последовали за ним. Одна из целей этой книги состоит в том, чтобы понять, как дискурс антропологов способствовал построению этой демаркации во Франции, и тем самым продемон-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru